

Если Цуй Се даже в деревне понимал подобные вещи, то что говорить о втором сыне, росшем в доме в роскоши и довольстве? Неужели госпожа Сюй от природы порочна, раз родила такого сына? Цуй Цюэ уже и забыл, о чем думал, когда избил старшего сына до полусмерти и сослал в деревню. Он шаг за шагом спускался по ступеням, желая воссоединиться с этим прекрасным сыном и насладиться семейным счастьем.

Но перегородивший ему дорогу второй сын совершенно не проявил благоразумия. С искаженным от злобы, уродливым лицом он визжал:

— Разве всё это сделал не ты?! Ты намеренно пожертвовал усадьбу семьи Цуй, чтобы устроить в уезде Цяньань какую-то библиотеку! В итоге вся выгода досталась тебе, а мою мать забрал Цзиньивэй! Это всё ты, ничтожный...

Левая рука его отозвалась болью, и он не посмел кричать дальше, лишь уставился на Цуй Се налитыми кровью глазами.

Цуй Се вздохнул:

— «Кто знает меня, тот понимает мою печаль; кто не знает, тот спрашивает, чего я ищущ». Я пожертвовал усадьбу, которую мне пожаловала госпожа Сун, при чём же здесь мать? Твои обвинения просто... Ладно. Мать действительно виновна, но она всё же законная жена отца, госпожа Сюй для меня, и она подарила нашей семье Цуй второго сына, так что имеет заслуги перед семьёй Цуй. Что бы ты ни думал, в душе я почитаю её как мать и не стану беспомощно смотреть, как с ней случится беда...

Он поднял взгляд на Цуй Цюэ, отпустил руку младшего брата и с поклоном произнес:

— Я уже в полной мере познал боль утраты матери. Как у меня хватит сердца заставить Цуй Хэна проходить через те же страдания? И как я могу допустить, чтобы из-за матери он затаил обиду на отца, не спасающего её сегодня, а там и на всю семью Цуй? Сначала я подам докладную записку с просьбой за мать. Прошу отца обождать дома. Вернувшись, я тотчас приду засвидетельствовать вам свое почтение.

Он повернулся и шагнул прочь. Его осанка и походка были столь изящны и благородны, что никто не успел его остановить. Цуй Цюэ в отчаянии бросился вслед за ним по ступеням, но оступился и чуть не скатился на землю — к счастью, стоявшие внизу слуги успели его подхватить, так что он лишь испугался.

Однако когда он снова поднял голову, во дворе остался только скрюченный от боли Цуй Хэн да растерянные служанки. Охваченный паникой, Цуй Цюэ пробежал несколько шагов к воротам и закричал, размахивая руками:

— Остановите его! Ни в коем случае не давайте ему подавать прошение... Нельзя позволить ему провоцировать Цзиньивэй и вызывать гнев императора!

Пока слуги и служанки из двора Цуй Цюэ выбегали вон, Цуй Се уже схватил одного из слуг и велел отвести его в конюшенный двор семьи Цуй.

Ныне молодой господин был совсем не тем, что прежде: он стал вундеркиндом, которого сам император приказал призвать во дворец для аудиенции, так что слуги наперебой пытались ему выслужиться. Стоило ему произнести «Нужна лошадь», как кучера, даже не спрашивая разрешения у господина и не уточняя, нужна ли экипажная повозка, мигом оседлали и обуздали коня, с готовностью выведя его на улицу. Хотя со стороны заднего двора прибежали

отправленные Цуй Цюэ слуги с криками остановить его, Цуй Се уже вскочил в седло и, оставив позади всю челядь семьи Цуй, устремился к Императорскому городу.

Ещё до въезда в столицу он всё выведал: Северная Чжэньфусы располагалась за пределами Императорского города, по западную сторону от галереи Цяньбулан, по соседству с другими ведомствами. Если поехать по улице от правых врат Чанъань, можно легко найти оба нужных учреждения. Сначала следовало отправиться в Северную Чжэньфусы, чтобы навестить заключенную, а затем пойти в Управление по передаче докладов с прошением — так всё выглядело бы куда достовернее.

И пусть о Северной Чжэньфусы ходила дурная слава, у него за спиной стояли влиятельные покровители, так что разыграть у ворот трогательную сцену сыновней любви не составило бы труда.

По пути он заехал в ресторан и заказал несколько блюд. Держа в одной руке короб с едой, а в другой поводья, он неспешно поехал к Северной Чжэньфусы.

Здания ведомств на западной стороне галереи Цяньбулан стояли вплотную друг к другу. Цзиньивэй располагался ближе всего к правым вратам Чанъань, и при входе на главную улицу первым взору открывалось величественное и внушительное здание Северной Чжэньфусы. За ним соседствовали Главнокомандование пяти армий, Управление по передаче докладов и ямэни трёх судебных ведомств. Все эти места были связаны с допросами, пытками и военной силой, отчего их архитектура дышала мрачной и грозной суровостью. Ворота Северной Чжэньфусы патрулировали стражники, держа руки на рукоятках мечей; все они были высокими, крепкими и внушали невольный трепет.

Стоило ему свернуть на улицу перед Управлением Чжэньфусы, как навстречу выбежали несколько слуг семьи Цуй. Запыхавшись, они закричали:

— Молодой господин, вам нельзя туда!

Они зажмурились и бросились прямо под ноги коню, пытаясь перегородить путь своими телами.

Цуй Се левой рукой едва заметно потянул поводья и легким нажатием пяток сжал бока лошади. Послушный конь тут же взял вправо, взметнулся на дыбы и перепрыгнул через падающих слуг. Патрульные стражники у ямэня Цзиньивэй, увидев это, невольно удивились и выкрикнули с одобрением:

— Отличная верховая езда!

Чтобы с виду хрупкий книжник обладал столь искусными навыками верховой езды — случай воистину редкий.

Несколько патрульных стражников обернулись на возглас и как раз увидели, как Цуй Се одной рукой правит конем, объезжая прохожих, а другой ровно держит короб с едой, не позволив ему ни на каплю накрениться. Заметив, что он направил лошадь к воротам ведомства, они шагнули навстречу и спросили:

— Это ямэнь Северной канцелярии, простым людям и военным без дела входить воспрещается. Кто ты такой и зачем прибыл?

Цуй Се вынул ноги из стремян, легко опёрся левой рукой о седло и изящно соскочил на землю.

Это снова вызвало редкие аплодисменты неподалеку:

— Наездник ты и впрямь неплохой. Эй, книжник, ты держишь короб с едой — неужто принес кому-то обед?

Голос у говорившего был негромким и ничем примечательным не выделялся, однако врезался в слух, будто клин, заставляя невольно прислушаться.

Цуй Се вместе со стражниками невольно повернул голову на звук. Человек лет сорока с лишним, в алом чиновничьем халате с нашивкой-буцзы, изображающей тигра и леопарда, сидел верхом на коне и смотрел на него сверху вниз. У него было смугловатое лицо и густая, жесткая борода на подбородке. За ним выстроилась свита из нескольких подчиненных в сине-зеленых чиновничьих платьях. Все они выглядели статными, подтянутыми и восседали на статных скакунах, привлекая к себе все взоры.

Лошадь, на которой Цуй Се приехал из дома семьи Цуй, рядом с их скакунами смотрелась так жалко, что даже поднять голову было неловко.

Один из всадников показался ему чрезвычайно знакомым. Слегка повернув голову, тот разглядывал короб с едой в его руке, явно удивляясь, как он здесь оказался.

Стражники сразу же низко поклонились, обращаясь к ехавшему во главе как к Чжу Цзи. Цуй Се тоже склонился в поклоне и представился:

— Ученик — сючай из уезда Цяньань по имени Цуй Се. Мой отец — Цуй Цюэ, чиновник департамента Юньнань Министерства финансов. Моя госпожа Сюй совершила преступление и была заключена в императорскую тюрьму. Узнав об этом, ученик принес немного еды, чтобы навестить госпожу Сюй.

Цуй Се из Цяньаня! Тот самый, что написал «Парные изречения из Четверокнижия» и заставил Се Ина без конца сидеть в запертой комнате за книгами, отказываясь выходить развлекаться!

Отношение в Цзиньивэй к нему было весьма неоднозначным. С одной стороны, он был праведным человеком, официально отмеченным по ходатайству Цзиньивэй, а значит, с самого начала считался «своим». С другой стороны, он оставался педантичным книжником, издававшим учебные пособия, от одной мысли о которых закипали мозги. Эти два образа никак не укладывались в их головах единой картиной, а сегодня, увидев его воочию, они смутились ещё больше.

Такой красивый юноша, да еще и отлично держащийся в седле, должен был стать юным генералом, подобным Чжао Юню! Как же его занесло в ремесло вьедливого книжника?

Чжу Цзи невольно покачал головой и спросил:

— Ты пришел навестить госпожу Сюй? А знаешь ли ты, что она совершила?

Цуй Се попытался выдавить хотя бы слезинку, но у него ничего не вышло, и ему пришлось лишь низко склонить голову:

— Моя мать нарушила законы государства, как же ученику об этом не знать? Ученик также сознает: если бы Цзиньивэй не поступил по справедливости и не раскрыл правду, такой честный чиновник, как уездный начальник Ци из уезда Цяньань, остался бы несправедливо

обвиненным и опороченным. Ныне ученик пришел сюда не только для того, чтобы навестить мать, но и выразить глубокую благодарность почтенным господам за расследование этого дела и возвращение справедливости уезду Цяньань.

Он отвесил глубокий поклон Чжу Цзи и остальным. Чжу Цзи лишь отмахнулся:

— Меня благодарить не за что, всем заправлял Се Ин. Будь на то моя воля, мне бы и дела не было до какого-то мелкого уездного начальника.

Уголок губ Цуй Се слегка дрогнул, но он тут же сдержался и, показав слегка покрасневшие от изо всех сил зажмуренных глаз веки, с дрожью в голосе вымолвил:

— Благодарю вас, господин.

Желание навестить мать было притворным, а вот благодарность — искренней, отчего выражение его лица сделалось вполне естественным. Се Ин, стоя за спиной Чжу Цзи, ответил легким поклоном и с улыбкой произнес:

— Приятно видеть твою признательность. Мы в Цзиньивэй служим императору и обязаны докапываться до истины, чтобы не позволять коварным подлецам вводить императора в заблуждение.

Чжу Цзи кивнул, поглаживая бороду.

Выразив преданность государю, Се Ин мгновенно убрал с лица улыбку и сурово, холодно произнес:

— Однако в императорской тюрьме содержатся государственные преступники, взятые под стражу по прямому указу, который издал император Хунчжи. Туда не доставляют ни воду, ни пищу, и тем более не позволяют свиданий. Чжу Цзи, уступив твоей сыновней почтительности, не станет тебя наказывать. Но я, можно сказать, видел, как ты рос, а потому сегодня вынужден прочесть тебе наставление...

Лу Си вмешался и стал уговорами останавливать его:

— Ладно-ладно, чего ты пристаешь к книжнику? Эти грамотеи все как один с ума посходили от басен про сыновнюю почтительность, вроде «одежды из камыша» да «лечения матери льдом». Убеждать его бесполезно, всё равно не исправится. Пусть ступает восвояси, а господина ещё ждут дела — нужно осмотреть военные гарнизоны на учениях.

<http://bllate.org/book/18372/1761337>